

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л63

Разработка серийного
оформления *А. Соловьева*

Лисовская, Виктория.

Л63 Полночное венчание / Виктория Лисовская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Чудо-детектив).

ISBN 978-5-04-099632-2

Алиса Воронова очнулась в очень необычном положении — она невесомо парила под потолком химкинской больницы, наблюдая за безуспешными попытками реанимации ее физического тела. Вскоре стало понятно, что спасти и откачать Алису не удалось.

Безутешный призрак Алисы отправился в полет по коридорам больницы, пытаясь осмыслить случившееся. Странно ведь еще и то, что девушка совершенно не помнит, что же с ней вчера произошло после того, как она вернулась с работы.

И только чудо сейчас поможет ей вспомнить все...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лисовская В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099632-2

Вы те, которыми мы были...
Мы те, которыми вы станете...

(Надпись на могильном камне)

Глава 1

Этого просто не может быть...

Верю ли я в религию и загробную жизнь?

Станный вопрос для ребенка, выросшего в семье воинствующих атеистов: у отца — преданного политработника и интеллигентной преподавательницы — матери, для которой подлинным богом был и остается мир высокого искусства. До вполне сознательного возраста о духовных ценностях я особо не задумывалась. Было некогда — приходилось учиться, грызть гранит науки, пытаться построить личную жизнь. Все это вылилось в то, что в полные двадцать семь лет, даже практически двадцать восемь, красавица отличница с престижным высшим образованием с высоты более двух метров под побеленным потолком невзрачной подмосковной больницы взирает на толпу медиков-реаниматологов, пытающуюся всевозможными средствами вернуть к жизни мое прекрасное и молодое тело.

Конечно, какое-то общее, обобщенное понятие, почерпнутое из всевозможных книг, фанта-

стических фильмов и страшилок про привидения, я имела. Но вопрос, что же будет, когда меня не будет, меня особо не тревожил. Молодая, здоровая, что со мной может случиться? Максимум, что меня мучило (вот уже я употребляю глаголы о себе в прошедшем времени), это обычный осенний насморк.

И вот теперь, вися под потолком Химкинской больницы и взирая на свой хладный труп (какое слово-то некрасивое «труп»), я всерьез задумалась, а что же, собственно говоря, происходит? Где я? Кто я? Или лучше сказать: «Что я»?

Мысли о моем неодушевленном состоянии оказались вполне материальны, так как из всех присутствующих в палате врачей и медсестер меня никто не видел и не слышал, не обращая никакого внимания.

У меня же, как ни странно, не было даже и капельки паники — просто абсолютное какое-то вселенское спокойствие.

А внизу жизнь вокруг меня, той еще, тепленькой, бурлила, можно сказать даже была ключом. Не добившись никаких успехов с помощью дефибрилятора, пожилой сутулый врач (я сверху прекрасно видела его блестящую лысину в обрамлении пучков седеющих волос) принялся колоть мне в правую руку какую-то жидкость. Молоденькая медсестричка с французским маникюром на руках нажимала какие-то кнопки на неизвестном мне ме-

дицинском препарате, не переставая бубнить себе под нос:

— Такая молодая и красивая. Ну-же, девочка, ну же, возвращайся! Ты можешь! Давай же, давай же...

Все было бесполезно. Об этом красноречиво свидетельствовала прямая полоска ритма сердца на экране аппарата.

Я сверху спокойно с ухмыляющейся улыбкой наблюдала за их манипуляциями, ничего не чувствуя и не ощущая.

Вот смешные! Что значит «возвращайся»? Куда вернуться? Как? А главное — зачем? Мне на тот период было так спокойно и радостно, как никогда в прошлой жизни. Казалось, я могу вот так вечно провисеть, как воздушный шарик, под потолком больницы — никуда не спешить, ничего не опасаться.

Меня тогда волновало только одно — я только сейчас заметила, что, оказывается, на мне, той, оставшейся внизу, были надеты рваные колготки. Или я так в них и проходила целый день, или их зацепили санитары из «Скорой», когда заносили меня в больницу, но меня сейчас волновало только это. Как же так — внизу находятся приятные врачи-мужчины, а я перед ними, пардон, в рваных колготках.

Позор-то какой!

Сутулый врач посмотрел на циферблат наручных часов и промолвил:

— Время смерти — 8.45. Запишите, Леночка, пациентка Алиса Воронова — время смерти 8.45.

Так, мои дорогие, что значит «время смерти»? Чьей смерти? Моей?

Я же — Алиса Воронова.

Да не может такого быть!

Это все кошмарный сон! Я сейчас проснусь в своей уютной квартирке на улице Юбилейной. Рядом под боком будет громко мурчать кот Лешка, и всю эту «парящую» дребедень я сразу же забуду.

Какой это «смерти»?

У меня же ипотека на тридцать лет! Я же еще даже ни разу замуж не сходила!

Нет, дорогие мои, так не пойдет! Я на это не согласна!

Как же я могла умереть? От чего?

Тут, к своему ужасу, я увидела, что меня, ту, нижнюю, укрыли белой простыней, так что видны оказались только кончики моих любимых дорогу-щих сапог на шпильке.

Тут некстати вспомнилось, что покупка этих самых сапог в свое время съела чуть меньше половины моей месячной зарплаты в роскошном бутике итальянской обуви на Тверской.

Тогда симпатичный курносый парнишка-продавец, таскающий мне обновки в магазине и подбирающий нужный размер, философски заметил, что об этой покупке я ни на секунду не пожалею,

обувь шикарная, и я в ней вполне смогу проходить всю жизнь.

У судьбы явно проблемы с чувством юмора, с горечью заметила я. Башмачнику с такой фантастической интуицией нужно явно участвовать в битве людей с паранормальными способностями. Видать, накаркал. Вот и проходила в сапогах всю оставшуюся жизнь — даже один осенний сезон не доносила.

Вселенское спокойствие постепенно стало покидать меня. И до меня наконец-то дошло.

Это все! КОНЕЦ!!

НЕТ!! ЭТОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Глава 2

То, чего быть не может...

Я все так же парила под потолком больницы, врачи все уже вышли из палаты.

Мое тело было накрыто белой простынкой и ждало санитаров, которые должны были отвезти его в морг.

Я же была в полном паническом ужасе и не представляла, что же делать дальше.

Все мои скудные познания о загробном мире базировались на христианских понятиях — рае с ангелочками, сидящими на облачках и играющими на лирах, об адских котлах с варящимися в них

грешниками. Но ничего подобного поблизости не наблюдалось.

Я еще раз сильно ущипнула себя за руку, чтобы проснуться.

Блин, больно...

Было действительно очень больно.

«Еще синяк останется», — с грустью подумала я.

Стоп, у меня начался нервный смех, синяков теперь точно не останется. Потому что не на чем оставлять синяки. Я-настоящая лежу там, внизу. Отдыхаю в лучшем из миров.

Хотя о чем это я? В лучшем из миров теперь нахожусь Я — та, что под потолком.

Окончательно запутавшись в двух своих ипостасях, я принялась судорожно оглядываться в поисках ангелов, чертей, архангела Гавриила, света в конце туннеля — хоть чего-нибудь, что могло бы дать мне подсказку о моей нынешней сущности.

Однако ничего подобного в радиусе нескольких метров я не заметила.

Стоп, а может, я в коме?

Может, у меня сейчас клиническая смерть?

Я где-то читала, что клиническая смерть может длиться до девяти минут, и даже есть возможность откачать и спасти человека.

Так, Алисочка, еще не все потеряно.

Я попыталась подлететь к своим бранным останкам.

Необыкновенная легкость наполняла все мое невесомое тело. Но управлять внезапно обретенными летательными способностями оказалось не так уж легко, как представлялось на первый взгляд. Физические законы никто не отменял, но они каким-то непостижимым образом перестали действовать на меня. Точнее, они действовали, но с точностью до наоборот. То есть для того, чтобы переместиться вправо, мне приходилось прилагать все свои усилия в левую сторону, для движения вниз — нужно было тянуться вверх.

Когда-то в детстве я ходила с папой в цирк, возле здания смешной клоун в огромных полосатых штанах с разукрашенным лицом и ярко-красным носом приглашал всех желающих принять участие в небольшой поездке, буквально на несколько метров, на «неправильном» велосипеде. Цирковые умельцы его специально подкручивали и завинчивали так, чтобы езда на велосипеде была сродни экстремальным видам спорта. Педали не хотели слушаться наездника, поворот руля вел себя самым непредсказуемым способом, получить выигрыш и добраться до финишной линии было необычайно сложно.

Мне тогда было лет семь, я безумно хотела на день рождения велосипед, но родители его никак не покупали, отмахиваясь от ребенка нелепыми отговорками. На самом деле, как я позже узнала, виной всему была банальная нехватка денег, но

признаться в этом любимой доченьке ни у кого язык не поворачивался. Я обижалась на родителей, на каждый праздник тонко намекала на вожделенный велик. Сама же, заимствуя двухколесного друга у рыжего Вовки из соседнего подъезда, научилась весьма неплохо гонять на нем. Но в детстве велик мне родители так и не купили.

Так вот, вытерев тыльной стороной ладошки перемазанные от ванильного мороженого губы, протянув клоуну заветный рубль, переданный моей заботливой бабушкой «на конфеты», я смело шагнула к полоске старта и с помощью красноносого балагура влезла на «неправильный» велосипед.

Папа даже не успел помешать мне осуществить задуманное.

Я, как ас велосипедного спорта всего нашего детского двора, пригнулась к седлу велика, с трудом дотянулась до педалей, сделала пару движений, и уже через пару секунд лежала на жестком асфальте, потирая ушибленный локоть и с тоской наблюдая за огромной прорехой на моем нарядном розовом платье, которое не выдержало моего не совсем плавного приземления на асфальт.

Подскочивший папа потом еще долго разбирался с извиняющимся клоуном, обещал посадить всех организаторов шоу, которые калечат детей и берут на работу недоумков, позволяющих маленьким девочкам участвовать в подобном безумии.

После такого позорного фиаско мне навсегда разонравились клоуны, и несколько месяцев я даже близко не приближалась к Вовкиному велосипеду.

Так вот сейчас в свободном парении под потолком я себя чувствовала точно так же, как в седле неправильного велосипеда.

Мои руки-ноги слушались меня идеально, а вот окружающая действительность абсолютно не желала участвовать в моих летных упражнениях.

Кое-как с трудом через минут десять (по моим ощущениям и стараниям прошло более часа) я смогла подлететь и неуклюже приземлиться на пол рядом с покрытой простыней телом, бывшим некогда Алисой Владимировной Вороновой.

Со слезинками на глазах я смотрела на себя со стороны.

Вот уж забавно устроена жизнь — ходишь каждый день на работу, встаешь в шесть утра, трясешься больше часа в общественном транспорте, откладываешь деньги на выплаты по ипотеке, мечтаешь слетать в отпуск в Париж, и вот все... в одночасье оказываешься в больничной палате, окутанная проводами и накрытая простыней.

Может, чем черт не шутит, хотя упоминание в данном случае Рогатого явно не уместно, стоит попробовать снова «забраться» в собственное тело и попробовать оживить саму себя?

А что — идея хороша! Руки, ноги, голова — все на месте!

Нет ни кровоизлияний, ни жутких ран.

Тут, к своему жуткому стыду, я поняла, что абсолютно не помню, как же и почему я здесь оказалась.

Я отлично помню вчерашний день, это я сейчас думаю, что он был именно вчерашним, 19 октября. Я была на работе, писала и редактировала какую-то жуткую статью о выборе идеального избранника для разведенных женщин после тридцати.

Да, забыла представиться, тружусь я журналистом-редактором на очень известном в узких кругах женском интернет-портале БлондинКО.РУ. Пишу, точнее писала, всякую дамскую муть, начиная с выбора колготок на зиму, приготовления кабачковой икры до анализа мужских психологических стереотипов поведения. Вот и вчерашний день ничем не отличался от предыдущих жутких серых осенних дней. Я, как обычно, пришла в офис, опоздав минут на двадцать. Но что я могу поделать, если из моих Химок добираться до московского метро в жутко переполненной маршрутке не меньше часа. Хотя по-хорошему без пробок ехать от силы минут пятнадцать. Но рассказ об утренней Ленинградке и пробках на ней — это отдельная история.

Взмыленная, запыхавшаяся от бега на высоких шпильках, пересмотревшая в пробках по дороге на работу почти три серии из последнего сезона сериала «Доктора Хауса», я наконец-то забежала в свой кабинет.

Ольга Гаврюкина, которую многие за глаза за милую уживчивость характера в коллективе называют Ольгой Гадюкиной, уже была на месте. Пила за своим столом жутко крепкий чай из ужасно безвкусной огромной красной чашки в зеленый горох.

— Опаздываешь, Лисонька!

Я терпеть не могу, когда посторонние называют меня «Лисонька». Но Ольга привыкла всех и каждого именовать уменьшительно-ласкательными именами и прозвищами. Присюсюкивание от взрослой, огромного гренадерского роста бабищи вызывали у адекватных людей минимум легкое недоумение, у остальных — откровенный хохот.

Но у «Оленьки» были железные нервы, просто стальные канаты. Она не обращала внимание на факты, не доступные пониманию ее высокого сознания.

Вес кокетки был около девяносто килограмм, который при огромном росте не казался такой уж насущной проблемой, но все же я бы поостереглась поглощать в таком количестве конфеты. Вот и сейчас рядом с жуткой кружкой в зеленый горох, в которую по моим скромным подсчетам, помещалось не меньше полулитра чая, покоилась на блюдечке гора шоколадных батончиков.

Поздоровавшись с Гадюкиной, раздевшись и кинув светлый плащ на стул, я до вечера изображала бодрый интерес к работе, даже написала пару